

Вигдорова Ф.А. Фрагменты трилогии «Дорога в жизнь», «Это мой дом», «Черниговка» о педагогическом труде супругов Калабалиных.

«Дорога в жизнь»

Назавтра по звонку на подъем никто не поднялся – видно, это было не в обычае. Ребята спали. Только к завтраку они закопошились и стали выползать из-под одеял. Я заходил в каждую спальню и громко говорил:

– Вставайте! Стройтесь во дворе! Быстро!

Они выходили во двор вовсе не из готовности исполнить приказание. Им было любопытно: что же дальше? Они стали не строем, а беспорядочной толпой, и ясно было: иначе стоять не умеют. Одни смотрели пытливо, настороженно, другие насмешливо, третьи недоброжелательно. Но незаинтересованных, равнодушных лиц я не увидел.

– Познакомимся, – сказал я. – Меня зовут Семен Афанасьевич...

Я не успел договорить. Произошло что-то неожиданное и непонятное: раздался пронзительный свист, толпа дрогнула – и вдруг все до единого кинулись к дому. Несколько секунд я стоял в недоумении и смотрел, как они удирают – без оглядки и почти бесшумно, только все тот же пронзительный свист снова и снова резал уши. Потом, сам не знаю почему, я обернулся и увидел... быка. Не разбирая дороги, низко пригнув свирепую морду с кольцом в носу, он несся по опустевшей поляне. Врезался в волейбольную сетку и стал рвать ее рогами, слепо и злобно вскидывая головой. Комья снега и мерзлой земли летели у него из-под копыт.

Раздумывать было некогда. Я кинулся к быку и с размаху ударил его ногой в нос. На мгновение он ошалело подался назад. Я обежал его и, схватив за хвост, погнал к сараю.

Захлопывая за быком широкую дверь сарая, я услышал дружный топот: теперь вся орава ребят бежала ко мне. Я утер пот со лба, подошел к крыльцу и сел. Ребята нерешительно остановились в трех шагах и, перешептываясь, подталкивая друг друга, смотрели на меня.

– Ка-ак вы его здорово! – вдруг сказал кто-то.

– Он знаете какой? Он лошадей на рога поддевает!

– Он одного Подсолнушкина слушается!

Постепенно те ребята, что были поближе, усаживались рядом на ступеньки. Другие, продолжая стоять, обступали нас все теснее. Кто-то дотронулся до моего плеча. Кто-то опять и опять нараспев повторял:

– Ка-ак вы его здорово!

– А у нас в деревне какой бык... – сказал тощий, нескладный парнишка в рваном пиджаке.

– А у нас была корова бодучая – еще позлее всякого быка, – доверчиво сообщил уже знакомый мне худенький мальчик с раскосыми глазами зайчонка.

У каждого в запасе оказалась своя история – не про свирепого быка, так про бодучую корову.

Но ведь и мне было о чем порассказать, не даром я с десяти лет пас у

помещика стадо в селе Сторожевом, на Полтавщине. Вот там был бык так бык: огромный, с налитыми кровью глазами. Гаврила его звали.

Рассказываю им про Гаврилу, про белую корову Зорьку, которая всегда шла впереди стада и неизменно обещала на завтра ясный день. Разглядываю ребят. Давно не мытые лица сейчас подвижны и веселы. Вот сейчас и взять их за живое. Бык – быком, он мне невольно помог, этот бык. Хорошо, что так легко удалось с ним справиться, хоть удивляться тут и нечему – я и в самом деле не забыл еще своей пастушьей практики, а силы у меня теперь побольше, чем было, когда я пас помещичье стадо. И вдруг в голову мне приходит: бык... да сам ли он вырвался из сарая? Может, кто-нибудь выпустил его? Неужели... Кто из них мог это сделать? Я оглядываю ребят. Но некогда думать об этом сейчас...

– Плохо вы живете, – говорю я.

– Плохо, – соглашаются они без малейшей горечи.

– Вот ты спрашивал меня вчера, буду ли я тут заведующим. Я ходил, смотрел, думал. И решил: это зависит от вас. Да, от вас, – повторяю я в ответ на поднявшийся гул голосов. – Потому что я ни за что не соглашусь жить в такой грязи, в такой гадости.

– А мы что? Разве мы виноваты? – обиделся паренек, сидевший рядом со мной.

– Да кто же виноват? Кто виноват, что ты сегодня не умывался и вот сидишь передо мною чумазый? А вон ты – кто виноват, что у тебя нет ни одной пуговицы на штанах и даже понять нельзя, как они на тебе держатся? Или вон Петька: скачет в одном башмаке. Кто проиграл его второй башмак – я, что ли? Или кто-нибудь из воспитателей? Кто виноват, я спрашиваю? И кто виноват, что вы трусы?

– О-о! Трусы? Это мы трусы? – крикнуло сразу несколько голосов.

– Да, да, трусы! Забыли, как испугались быка? Удирали, как зайцы! Нет, если вы хотите, чтобы я остался у вас, все должно перемениться.

– Да чего делать-то?

– А вот я скажу, что делать. Олени по тайге идут – у них есть вожак. Самолеты летят в воздухе – у них есть ведущий. В семье – отец, на заводе – директор. Ну, а у вас? Старшим у вас буду я. Но этого мало. Мне нужны помощники. Были у вас до сих пор ответственные? Командиры?

– Семен Афанасьевич, – очень серьезно сказал худой смуглый паренек с широко расставленными темно-кариими глазами, – мы будем делать, как вы скажете. Только нам командиров не надо. Командирам всегда блат – они и лопать первые, им и одежда получше.

– Это не командиры, а жулики! – сказал я. – Командир, как я это понимаю, прежде всего – ваш же товарищ. Он не съест куска, пока не накормит всех, не наденет штанов, пока все не будут в штанах. Это от вас зависит. Вы друг друга знаете. Выберите самых лучших, самых честных – настоящих товарищей, а не жуликов... Сейчас идите все завтракать, уже поздно. А после завтрака построиться на поляне.

После завтрака они с грехом пополам выстроились у главного здания. И

теперь я уже не беседовал с ними – я холодно, твердо сказал им, чего я, новый заведующий, от них требую и чего жду.

– Предупреждаю вас честно: я ненавижу расхлябанность, воровство, лень и глупость. Ничего несбыточного вам не обещаю, но уверен: мы будем жить хорошо – работать, учиться, играть. Чем больше и дружнее мы потрудимся, тем быстрее настанет для нас хорошая и чистая жизнь. Сегодня же мы решим, как лучше наладить нашу жизнь, чтобы она была разумной, не свинской. Тех, кто согласен вместе со мной бороться с грязью, воровством и ленью, прошу выйти вперед и стать вот здесь. Кто не хочет – останьтесь на месте.

Строй дрогнул. Минута нерешительности. Вышли Саня, Петька, Коршунов, еще секунда – и пошли все. На месте остался один, рослый и длиннорукий, с ярко-рыжими вихрами; веки толстые, словно припухшие, и в них глаза-щелочки.

– Это честно. Как твоя фамилия?

– Нарышкин.

– Чего ты хочешь, Нарышкин?

– Хочу уйти из детдома.

– Иди. Желаю тебе, чтобы ты не погиб, чтобы тебя не искалечила никакая беда, а если от грязи заболеешь коростой, чтоб кто-нибудь тебя вылечил. Вот кто тебе ума даст – не знаю. Иди.

В полной тишине Нарышкин направился к проходной будке. Я не стал смотреть ему вслед.

– Так вот, – продолжал я, – у нас пять спален. На первое время решим: каждая спальня – отряд. Можете называть это группой, ватагой, но, по-моему, отряд лучше. Пусть каждый отряд выберет себе командира. Командир должен составить список своего отряда – имя, фамилия, сколько в школе учился. Каждый отряд должен выбрать еще и санитаря. Санитар составит заявку – сколько не хватает в отряде матрацев, одеял, простынь, подушек. И предупреждаю: никаких карт. Если что-нибудь из кладовой или из кухни пропадет – второй выдачи не будет. За карты – самое строгое наказание...

Логика в моей речи не было, я выхватывал главное, самое неотложное, и уверен – они отлично понимали меня.

– Прошу еще запомнить вот что: впредь право на свободный выход из детского дома будут иметь только командиры. Остальные могут уходить только с моего разрешения. Того, кто уйдет самовольно, обратно не пушу.

– Ого! Ну и что ж, что не пустите? – раздалось из задних рядов.

– Ровно ничего. Не пушу, и всё. А сейчас разойдитесь по спальням. Выберите командиров и санитаров. Я жду здесь. Идите.

Одни нехотя, неуверенно, другие весело и решительно, обгоняя друг друга, двинулись к лестнице. Я присел на скамью и сунул руку в карман за папиросами. Портсигара и кошелек с деньгами как не бывало...

Командиром первого отряда выбрали Жукова, и это было хорошо. Разговаривая со мной, Жуков смотрел мне прямо в глаза. Он принял близко к сердцу все, что произошло в то утро, и ребята, судя по всему, относились к нему с доверием.

Командира второго отряда звали Михаил Колышкин. У него было одутловатое бледное лицо и сонный взгляд. Представляя мне своего командира, ребята из этого отряда посматривали на меня не без ехидства, и в их взглядах я читал: «Что, брат, перехитрили мы тебя?» Да, это не командир. Но кто же из вас будет командиром на самом деле? – думал я. – Ты, курносый? Или ты, хмурый и вихрастый? Ладно, увидим.

Командир третьего вытянулся передо мной и бойко отрапортовал:

– Честь имею представиться – Дмитрий Королев, по кличке Король!

Ого, этот будет крепко держать ребят, да только так ли он будет командовать, как надо?

Мне сразу пришелся по душе и Сергей Стеклов – подросток лет четырнадцати, большелобый, спокойный, командир четвертого. Последний – Суржик – равнодушный и неповоротливый, так же как и Колышкин, не оставлял сомнений: он был ширмой, подставным лицом. Его выбрали, чтобы он выполнял волю кого-то другого, более сильного, умного, расторопного, кто предпочитал оставаться мне неизвестным.

– Ну, в добрый час! – сказал я. – А теперь за дело. Жуков, выдели пятерых ребят – пусть приведут в порядок баню и затопят ее. Кто в отряде остается свободен, пусть выносит из своей спальни матрацы, кровати – надо все почистить и проветрить. Королев, отбери часть твоих ребят – пусть напилят и наколют дров для бани. Сообрази сам, сколько рук для этого понадобится. Остальные тоже займутся матрацами и кроватями. Стеклов, ты раздобудь ведра и тряпки, надо вымыть окна. Колышкин, ты...

Через полчаса все закипело. Одни работали, сохраняя на лице снисходительное выражение: поглядим, дескать, что дальше будет. А пока – почему бы и не проветрить матрац? Отчего не получить новые башмаки? Другие носились по дому с блестящими глазами и пылающими щеками и готовы были перевернуть весь мир. Третьи то и дело застывали на месте с ведром воды или присаживались на ступеньки крыльца и жмурились на солнце.

А в четвертой спальне гремел скандал. «А ну дай, а ну дай! Вот я тебе как дам!» – слышалось оттуда. Я вошел. Стеклов, багровый от злости, стоял против того тощего, длинного и нескладного парнишки, который хвастал, что у него в деревне огромный бык. Оба уже и кулаки сжали, и головы пригнули, и стали друг к другу боком, выдвинув плечо, – вот-вот начнется драка.

– В чем дело?

– Глебов не хочет мыть полы, – пояснил совсем маленький круглолицый мальчишка, чем-то неуловимо похожий на Стеклова. – Я, говорит, не умею, я не поломойка.

– А остальные что же – проходили поломойные курсы? – поинтересовался я. – Кончили вуз?

Вокруг зафыркали. Глебов опешил. Впрочем, он сразу обрел душевное равновесие:

– Да что, в самом деле! Чего я буду поломойка для всех!

Он задрал голову, скрестил руки на груди и без малейшего смущения встретил мой взгляд.

– Стань как следует, – сказал я тихо.

– Ну, положим, стану.

В это «положим» он вложил всю свою независимость и сознание собственного достоинства, но Наполеона изображать перестал.

– Отряд Королева пилит дрова, чтобы Глебов вымылся в бане, – сказал я. – Отряд Суржика помогает на кухне, чтобы Глебов сегодня пообедал. А Глебов боится утомиться, если вымоет полы для всех. Пусть он вымоет только то место, где стоит его кровать. Дай ему тряпку, Стеклов.

Все расступились. Стеклов взял в углу ведро и тряпку.

– Возьми вымой свои два квадратных метра, – сказал он спокойно, в точности повторяя мою интонацию.

– И вымою! – Глебов подхватил ведро, вода выплеснулась ему на ноги. – Поди ты отсюда! – свирепо крикнул он, отталкивая Стеклова и рывком погружая тряпку в ведро.

Да, Стеклов был явно неглуп. Он тотчас забыл о существовании Глебова, не дал ему ответного пинка, даже не чертыхнулся и сейчас же занялся другими делами:

– Павлушка, бери другое ведро и мой с той стороны. Лешка, вымоешь это окно. Егор, тебе – то окно...

Лешка, Егор и остальные с жаром принялись за окна, но сразу стало ясно, что эта работа им непривычна: они беспорядочно возили по стеклу мокрыми тряпками, оставляя грязные разводы.

Я молча высыпал в небольшой таз толченого мела, развел водой, размешал, потом влез на подоконник, взял у Алексея – длиннолицего, бледного мальчишки с торчащими ушами – тряпку и обмакнул ее в меловой раствор.

– Посмотрите сначала, как надо, – сказал я ребятам.

Все головы повернулись ко мне. Только Глебов ожесточенно тер тряпкой пол, со злостью что-то бормоча себе под нос.

– Два квадратных метра... Вуз кончил... Для Глебова баню топят... – доносилось до меня.

Протирая стекла, я краем глаза наблюдал за ним и вскоре с удовольствием увидел, что Глебов уже вышел за пределы злополучных двух метров.

К вечеру мы все валились с ног от усталости, но ужинали после жаркой бани в чистом белье и новых костюмах, а в спальнях ждали аккуратно застланные кровати со свежими простынями и наволочками.

К концу ужина я спросил:

– С чего начнем завтра? Как вы думаете?

– Двор бы надо убрать, – нерешительно сказал Стеклов.

– Клуб! – крикнул кто-то.

– А столовую? – спросил я.

– И столовую!

– Значит, будем продолжать уборку. Надо, чтобы у нас было чисто.

«Черниговка»

Войдя в класс, я тотчас увидела Степу. Ребята еще не расселись по местам, до звонка оставалось минут пять. Степа стоял у доски и выводил на ней какие-то каракули...

– Ивашкин, положи мел! – молила его девочка с торчащими косичками. – Ивашкин, я же сегодня дежурная! Ивашин, отойди! Мне надо стереть с доски, сейчас Андрей Николаевич придет. В голосе ее звучали слезы. Но Ивашкин и ухом не вел.

Я подошла, взяла у него мел и положила на место:

– Садись-ка, сейчас звонок.

Он, не сопротивляясь, отдал мел. Повернулся к окну, задумчиво посмотрел на улицу. Потом глубоко вздохнул, словно задумал что-то, и... полез на шкаф. Да, он взял стул, влез на него, потом левой ногой уперся в раму классной доски, подтянулся на руках и взлетел на шкаф, где и уселся, безмятежно глядя на меня сверху.

Дежурная чуть не зарыдала в голос: – Ивашкин! Сойди! Ну что тебе, жалко? Сойди, говорю!

Зазвенел звонок, и тотчас в дверях показался Андрей. Я уселась на заднюю парту, ожидая, что он скажет, что сделает. Но он ничего такого не сделал. Поздоровался с детьми, мельком взглянул на шкаф и отвернулся.

– Соня, кого у нас нет сегодня?

Встала дежурная и, тараща голубые глаза, ответила:

– Круглова Мити и Петрушенко Нины. Они больны. Андрей Николаевич, а Ивашкин...

Андрей не дал ей договорить:

– Кто не сделал домашних уроков? Ты, Вова? Почему? Хорошо, объясню. Теперь давайте проверим примеры. Читай, Боря.

Боря встал и очень громко, словно звал кого-то с другого берега реки, прокричал:

– К двадцати шести прибавить семьдесят четыре, получается сто!

– У кого иначе? Что тебе, Соня?

– Андрей Николаевич! А Ивашкин...

– Я вижу, Соня. – Андрей подошел к пустой парте, достал из полинявшей холщовой сумки тетрадку, развернул ее и подал на шкаф Ивашкину. – Следующий пример читает Степа.

Ивашкин чуть охрипшим голосом произнес:

– Восемьдесят девять прибавить пятьдесят три, выходит сто тридцать два.

По классу прошел шум, поднялись руки.

– Таня, как у тебя?

– Сто сорок два!

– А у тебя, Люся?

– Сто сорок два!

– Как ты считал, Степа? К восьмидесяти прибавить пятьдесят – сколько будет? Сто тридцать, правильно. Ну, а к девяти прибавить три? Ну, а теперь что

надо сделать? К тридцати прибавить двенадцать – сколько же будет?

Проверка шла быстро, потом начался устный счет. Андрей как будто кидал в класс мячик и снова ловил его – это походило на игру.

– Ну-ка, от двадцати четырех отнять тринадцать? Федя! Лева! Даша! Так! К сорока восьми прибавить девятнадцать? Соня! Вера!

Время от времени он кидал мяч на шкаф. Степа отвечал с переменным успехом – то верно, то врал.

Потом решали задачу, потом записывали задание на дом – были в этом уроке легкость и веселье. К Степе Андрей больше не обращался, словно забыл о нем. Он был безмятежен, спокоен, весел. Когда прозвенел звонок, ребята кинулись к шкафу, но Андрей увел их в коридор. Дежурная Соня стерла с доски показала Ивашкину язык и тоже выбежала за дверь.

Мы остались с ним наедине. Я сидела на задней парте, он на шкафу – сидели и глядели друг на друга. Степа нахохлился. На лоб падала прядь волос, точно птичье перо, зубы чуть выдавались вперед, лицо было землистое. И весь он походил на птенца, попавшего в чужое гнездо. Ему очень хотелось слезть, но он не желал неуклюже сползть при мне – взобрался-то он по вдохновению, ни о чем не думая. А теперь могло и не получиться с таким блеском. Вот он и сидел, глядя на меня с хмурым упрямством.

– Помочь тебе слезть? – спросила я.

Он не удостоил меня ответом. И как я могла вообразить, что он согласится! На следующем уроке читали рассказ о том, как девочка Маша шла в школу: мимо клуба, вдоль речки, через мост...

– А ты, Валя, как ходишь в школу?

Валя ходила мимо леспромхоза, сворачивала около кино и сразу попадала к школьной двери.

– А ты, Степа?

Ивашкин вздрогнул. Он устал, ему надоело сидеть на шкафу, он не ждал вопроса. Приподняв голову и посмотрев на Андрея, он вяло ответил:

– Я всегда хожу прямо.

Урок продолжался, а я все глядела на этого мальчишку, который привык ходить прямо.

Когда опять зазвенел звонок, Андрей повернулся к Ивашкину, протянул руку и сказал как ни в чем не бывало.

– Прыгай!

Поколебавшись долю секунды, Степа принял руку и, опершись на нее, легко спрыгнул со шкафа.

– А ему ничего за это не будет? – спросила дежурная Соня. – За то, что он на шкаф влез?

– Давай надерем ему уши, – ответил Андрей.

...Мы увиделись с ним только вечером, дома.

– Ты молодец, – сказала я, – ты здорово придумал – не обращать на него внимания.

– Это не я придумал. Это придумал Семен Афанасьевич. Я всегда до смерти хотел его удивить, а он никак не желал удивляться.